

Б. Я. Гроен

Каким должен быть язык богослужения?

В статье ставится вопрос о том, каким должен быть язык богослужения, и делается попытка выявить основные богословские и литургические критерии, определяющие соответствие языка его задаче. Автор подчеркивает, что главная задача богослужебного языка — соединение собрания верующих с Богом, при этом даже самый лучший язык богослужения не способен выразить божественные тайны в полноте. В статье затрагиваются такие важные темы, как связь литургического языка с другими элементами богослужения и его соотношение с языком переводов Библии. По мнению автора, богослужебный язык должен быть современным, он должен быть понятным, чтобы побуждать человека к действию, но при этом, в отличие от повседневного разговорного языка, быть более возвышенным, для чего он может опираться на современные переводы Писания. Язык богослужения должен помогать включиться в молитву всем членам собрания, поэтому он должен учитывать разные языковые формы, такие как женский язык, молодежный язык, язык бедных и других групп населения. Кроме того, язык богослужения должен учитывать разнообразие социокультурные и географические контексты. Помимо слов молитв и проповеди, язык богослужения также должен включать положение тела, жесты, богослужебные действия. Автор статьи предвидит влияние на богослужебный язык таких особенностей современной культуры, как постоянное использование электронной почты, текстовых сообщений, чатов и твитов; однако настаивает, что язык не самоцель, но лишь средство подступиться к той встрече между справедливостью и милостью, которая возможна в вечном божественном лоне.

ключевые слова: литургия, язык богослужения, церковное собрание, проповедь, переводы богослужения.

Задача языка богослужения — соединить собрание верующих с Богом¹. В то же время человеческий язык в принципе является средством первостепенной важности как для самовыражения, так и для связи с другими людьми и с внешним миром. Вопрос языка связан

1. Эта статья основана на переработке и сокращении моей публикации: [Groen 2017]. Этой же теме было посвящено мое выступление на конференции

Свято-Филаретовского института «Перевод богослужения на русский язык: современная практика и перспективы» (Москва, 5 декабря 2019 г.).

также с вопросом единства в церкви и единообразия церковного богослужения (вне зависимости от того, как мы к этому единообразию относимся), со степенью понятности литургических текстов и чинов, а также с вопросом о том, какой перевод Библии использовать. Следовательно, это один из важнейших вопросов как с литургической, так и с пастырской точки зрения. Размышляя о том, каким должен быть язык богослужения, нужно учитывать несколько фундаментальных богословских и литургических критериев.

Первое, что необходимо, — определить границы проблемы и поставить ее в соответствующий богословский контекст. Между божественным откровением, данным человечеству, и покровом Божьей тайны всегда существует некоторое напряжение. С одной стороны, Бог являл Себя на протяжении всей истории, особенно в Его завете с Израилем, в исходе израильского народа из египетского рабства, а также в парадоксальном откровении Его страданий, смерти и воскресения (*mysterium paschale*) и в даровании Святого Духа. Бог и сегодня является Себя тем, кто открыт к Нему и готов вместить такое откровение. С другой стороны, наше познание Троицаго Бога всегда несовершенно и никогда не достигает полноты, по крайней мере, в этой, земной, жизни. Согласно апофатическому богословию познание Троицаго Божества в принципе невозможно. Все попытки подступиться к божественной тайне с помощью богослужения, обрядов, мифов, знаков и символов, а также архитектуры, иконографии, других видов искусства, музыки, танца, поэзии и языка молитвы, в конце концов, систематического богословия, — все это может быть полезным до определенной степени, но всегда несовершенно и не снимает покрова тайны. Божье присутствие и явно, и сокрыто одновременно; парадоксальным образом Бог присутствует, отсутствуя, и отсутствует, присутствуя в нашей жизни. Известный иконописец Леонид Успенский (1902–1987) признавал, что даже самая лучшая икона — это вполне законное, но все же недостаточное средство выражения божественной тайны, это только ее поиск с помощью цвета, формы и образов [Ouspensky, 48–49]². Даже основные христианские службы — таинства — указывают на то же внутреннее противоречие: Бог касается участников таинства и при этом остается для них сокрытым, Его присутствие прикровенно. В визан-

2. См. также: Успенский Л. А. Смысл и язык икон // Л. А. Успенский, В. Н. Лосский. Смысл икон / Пер. с фр. В. А. Рещиковой, Л. А. Успенской. М. : ПСТГУ : Эксмо, 2014. С. 82–84. — Прим. ред.

тийском чине евхаристии после причастия хор воспеваёт: «Мы узрели свет истинный...». Это переживание, хотя и очень глубокое, но все же недолговечное. Ученики Христа, шедшие по дороге в Эммаус^{*1}, не сразу могли узнать Его, увидеть земными очами, а когда наконец увидели — когда Он благословил и преломил перед ними хлеб, — Он почти сразу стал невидим для них.

*1 Лк 24:13–35

Таким образом, язык не самоцель, но лишь средство подступиться к той встрече между справедливостью и милостью, которая возможна в вечном божественном лоне. Даже самый лучший язык богослужения никогда не выразит тайну Божества, реальность нового неба и новой земли — этой богодухновенной утопии. Всякий язык здесь преткнется, не находя пути, не дерзая идти до конца. О Боге приходится говорить: все и ничто, начало и конец, порядок и хаос... Однако опять-таки парадоксальным образом язык может сам являть искры света, следы присутствия в нем Незримого. То же самое можно сказать и о музыке, и об иконописи, и о других видах искусства. Очень символически язык может соединять человеческую реальность и земную общину тех, кто собирается в присутствии Божьем, со светом Вечности. Таким образом, верно найденный язык богослужения служит своего рода мостом, той реальностью, что может быть узнана. Мы можем стать частью этой реальности, переживать радость приобщения ей, при этом осознавая ее преходящий характер.

Второй момент связан с использованием такого современного языка в богослужении, который должен быть не разговорным, но более высоким — понятным всем, но не газетным, компьютерным или фейсбучным. В идеале язык богослужения должен быть поэтичным, потому что язык молитвы и литургии очень связан с благородным и тонким языком поэзии. Этот язык наполнен образами, видениями и притчами; он изобилует чувствами, эмоциями, выражает стремления, помыслы и желания. Греческое богословие называет это желание «эротическим» — ἔρως τοῦ Θεοῦ, — имея в виду и «стремление к Богу» (*genetivus objectivus* — родительный падеж дополнения), и «желание Бога» (*genetivus subjectivus* — родительный падеж подлежащего). Этот язык принципиально отличается от языка фактов, понятий, точных описаний, науки. Роберт Тафт (1932–2018), ведущий специалист в сфере раннехристианского богослужения, называет литургический язык

типологическим, метафорическим; более схожим с языком Писания и молитвы, чем академических исследований; более святоотеческим, нежели

схоластическим; более импрессионистским, нежели систематическим; более суггестивным, нежели доказательным. Короче говоря, это язык символический и экспрессивный, а не философский и онтологический [Taft, 329].

Подобным образом можно различать, с одной стороны, язык образный, экспрессивный, а с другой — информативные, абстрактные и денотативные языковые средства. В проповеди (которая является критически важной частью богослужения!) нужно использовать именно экспрессивный язык, богатый метафорами и другими средствами, воздействующими на чувства слушателей [Lord].

В языке богослужения важно различать несколько уровней. Языковая форма древних символов веры отличается от современных молитвенных прошений, а язык паремий — от языка проповеди, которая стремится разъяснить и актуализировать то, о чем говорит Писание. Воспроизведение древних элементов богослужения и использование современных форм и языка в гармоничном сочетании придают силу современному языку богослужения.

Кроме того, как и язык искусства, язык богослужения не должен быть косным, заезженным, но должен сопротивляться влиянию мира сего с его тенденциями к насилию. Он должен нести слова жизни, т. е. благовествовать и обращать людей к Богу. Действенный язык богослужения приводит человека к изменению жизни, к очищению (катарсису). В идеале литургия ведет к исполнению Духом Святым, соединяет людей друг с другом и приводит церковное собрание к общению с Невидимым, Который стал плотью, Зримым во Христе, Который есть Образ Божий. Язык молитвы и богослужения — это дыхание «литургической школы», той школы, где учатся чувствовать, думать и жить по-другому, где человек переживает внутреннее обращение. Поскольку любая школа предполагает длительный процесс обучения, в нее нужно приходить снова и снова и слушать со вниманием. То же самое можно сказать и о литургии: нам нужно время, иногда годы, иногда вся жизнь, чтобы узнать содержание всех молитв, песнопений и обрядов, чтобы они вошли в нас, стали частью нашей духовной и повседневной жизни. Другими словами, в этой школе учатся для того, чтобы вышеупомянутое песнопение о «свете истинном» можно было пережить на собственном опыте.

Человеческий язык богослужения не только говорит о Боге, но и обращается к Богу, превращаясь в непрерывный диалог с Ним. Его «таинственность» означает, что он выражает тайну Божьей любви, милости и справедливости, и совсем не в силу того, что это

«сакральный» и часто мертвый язык, невразумительный для большинства собравшихся. Однако надо признать, что для некоторых верующих ритуальный диалог любви между Богом и человечеством осуществляется как раз на древнем, «сакральном» языке. Существование сакральных, специальных «иератических» языков в богослужении многих религий — например, в иудаизме, исламе и индуизме, а также в некоторых христианских церквях, таких как Эфиопская и Эритрейская православные церкви, где используется язык геэз, а также латынь у католиков — это очень интересное явление. В некоторых церквях — например, в Русской и Греческой — для православного богослужения используется древняя форма языка, тогда как в других — скажем, в Румынской — служба ведется на современном языке.

Кристина Морманн (1903–1988) — голландский филолог-классик, один из ведущих специалистов по христианской латыни и греческому, считает, что сакральный язык нужен не для общения между людьми (которое, конечно, должно быть понятным), а для выражения почитаемой культурно-религиозной традиции. Она говорит, что это выражение требует некоторой архаизации, для него не подходит современный язык. Настоящий сакральный язык не должен быть понятным сразу, без усилий, хотя в нем заложен сильный поэтический потенциал. Она сравнивает необходимость использования сакральных языков с таким явлением, как «говорение на языках» у пятидесятников и в других харизматических направлениях в католичестве и протестантизме. Для тех, кто это практикует, говорение и молитва на языках облегчают обращение к Богу, хотя этот диалог и остается непонятным для окружающих³.

С моей точки зрения, в принципе все языки — это средство общения в вере и молитве, и все в этом смысле равны, ведь все люди могут обращаться к Богу на родном языке, и Дух Святой действует в разных культурных контекстах по всему миру. Я также хотел бы указать на то, что говорит об этом ап. Павел^{*1}, для которого понятность молитвы и благодарения — необходимое условие, позволяющее сказать на них «аминь»^{*1}.

*1 1 Кор 14:10–19

*1 1 Кор 14:16

Составление, сочинение молитв и поэтических богослужебных текстов на современном языке — это целое искусство. Особенно это касается гимнографии, потому что веками к составлению молитв, прошений и других литургических текстов во многих

3. См., напр., ее книгу: [Mohrmann, 1–15, 83–90].

местах относились с небрежением или даже вовсе не давали это делать. В результате искусству написания литургических текстов приходится учиться заново. Понятно, что этому не научишь насильно, можно только создавать благоприятные условия и надеяться на то, что это принесет плоды.

Третий важный критерий для любого языка богослужения состоит в том, что он должен, в первую очередь, быть укоренен в *библейском* свидетельстве об опыте освобождения и искупления Богом. При этом библейские корни приходится все время обновлять, поскольку традиция должна быть неразрывно связана с современным опытом жизни. Ведь Бог действует здесь и сейчас, через живых людей. Таким образом, через постоянное обновление литургия возвещает опыт освобождения и искупления Богом: обретение свободы от рабства, войны, бедности и голода, реализацию библейского представления о пище и крове для всех, жизни в мире и здравии, общую жизнь людей в солидарности, примирении, милости и верности, образ нового мира и нового завета.

Здесь исключительно важен так называемый литургический треугольник, в котором неразрывно связаны между собой, во-первых, Слово Писания, услышанное и истолкованное на оглашении, в воскресной школе и в «доме учения и наставления» (по-еврейски *בֵּית מִדְּרָשׁ* — *бейт-мидраш*); во-вторых, Слово, провозглашаемое в богослужении; в-третьих, Слово, воплощенное в дьяконии — активном служении милосердия и пастырской заботы⁴. Если эти три образа воплощения Божьего Слова разделяются, литургия рискует превратиться в самоуслаждение, т. е. в то, о чем в Писании сказано «медь звучащая и кимвал звенящий»^{*1}.

В анафоре это изменение, или преобразование, претворение — в центре внимания. Оно происходит не только с евхаристическими дарами, но касается всего собрания, а на самом деле, и всего мира. Эти три аспекта — т. е. претворение даров, преобразование собрания и мира — связаны вместе неразрывно, и это тоже должно быть выражено в языке богослужения. Таким образом, богослужение, созерцание и действие связаны между собой⁵. Это явным образом означает, что совершенно необходимо поддерживать связь между литургией и жизнью, в частности, через милосердие и социальную помощь, через борьбу с бедностью,

4. По-прежнему актуальный источник здесь: [Chauvet, 81–122].

5. См., напр.: [Tadic-Papanikolaou; Bria; Groen 2012].

*1 1 Кор 13:1

войнами и несправедливостью в мире, через участие в решении экологических вопросов⁶.

В-четвертых, язык богослужения — это не только то, что говорится, произносится, — он входит в целый комплекс действий, составляющих литургическое «присутствие». Богослужebные книги — важный элемент службы, ведь для вдохновенного служения нужен и хороший «сценарий». Однако они только часть общей картины, и их нельзя воспринимать как нечто автономное и самодостаточное. Богослужение не заключается только в текстах. Богослужebные книги сами по себе не «всесвятые», святость принадлежит только триединому Богу. Речь идет о конкретном богослужении, о провозглашении Божьего слова людям, живущим здесь и сейчас, о современном воспоминании Христова дара, принесенного однажды и навсегда. Греческое слово *σήμερον* и латинское *hodie*, означающие «сегодня» и встречающиеся во многих литургических песнопениях и молитвах, подразумевают, что события истории спасения не ограничиваются прошлым, но представлены и в настоящем. Дух Святой открывает исторические основания христианской веры в сегодняшнем богослужении и дает возможность церковной общине войти в Божье «завтра».

Язык богослужения включает *всю* общину, *всех* людей, присутствующих на службе, поэтому он должен вдохновлять и питать каждого, позволяя всем войти в присутствие Божье. Это значит, что разные языковые формы — такие как женский язык, молодежный язык, язык бедных и других групп населения — также должны учитываться. Только так можно обеспечить полное, сознательное и активное участие всех присутствующих в богослужении.

Чрезвычайно важно и то, *как* произносится текст: громкость, интонация, ритм голоса, а также все возможные вариации. Человеку не все равно, произносится молитва вслух или шепотом. Произношение, акцент, паузы, интонация, мелодика языка — все влияет на слушающих. Поза, движения, выражение лица, взгляд (мимолетный, пристальный или полное отсутствие зрительного контакта с участниками богослужения), жесты, крестное знамение, возложение рук, коленопреклонение, земные поклоны, крестные ходы и т. п. также сильно влияют на ход богослужения. К слову, важно и то, есть ли микрофон и соответствующее звуковое оборудование, а также то, как оно установлено и настроено (очень громкий звук или не очень). В целом люди на богослу-

6. См., напр., мою статью: [Groen 2019].

жении воспринимают и принимают то, что с помощью языка им сообщают священнослужители и хор, самыми разными путями: они истолковывают, искажают или подвергают сомнению то, что им говорится, а могут и просто не слушать. Эмпирические литургические исследования показывают, что молящиеся часто истолковывают звучащее слово совсем не так, как имел в виду священник или проповедник...

Кроме того, существуют разнообразные социокультурные и географические контексты: для чернокожих православных в Кении и Танзании, например, раскачиваться под музыку, танцевать или хлопать в ладоши — обычное дело, тогда как православные в Финляндии и Нидерландах могут всю службу стоять, не двигаясь, таким образом выражая благоговение. Для многих верующих суть их веры заключается в исполнении обрядов и ритуалов. Положение тела, жесты и позы — это духовная реальность, и произносимые слова входят в тот же ряд. Эти жесты, позы и другие движения не есть символы духовной жизни, но ее неотъемлемая часть. Вера — это действие, воплощение. Кроме того, есть различные архитектурные и иконографические контексты: богослужение может проходить в доме, в небольшой часовне, на открытом воздухе, так же как и в величественных, полностью расписанных и украшенных базиликах — все это создает очень разную атмосферу и вызывает разные чувства и переживания.

Хотя искусство проповеди остается первостепенным для обычной службы, это все же только один из аспектов. Литургия, совершаемая для глухих, например, ясно показывает важность языка тела, а также то, как много можно сказать без слов. То же самое касается и богослужений для людей с умственными и физическими отклонениями (особенностями), во время которых устная речь может играть несколько иную роль, часто менее значительную. Здесь могут быть гораздо важнее другие вещи, такие как язык жестов, преподание мира и «язык тела». Еще один важный пример — болезнь Альцгеймера, особенно прогрессирующие формы деменции, которые все чаще и чаще встречаются в западном мире. Сложные литургические тексты, какими бы прекрасными и библейски выверенными они ни были, не могут «достучаться» до больных деменцией и не привлекательны для них. Им больше говорят хорошо знакомые, традиционные тексты молитв, такие как «Отче наш», краткие молитвенные прошения типа «Господи, помилуй» (Κύριε, ἐλέησον), 22 (23) Псалом («Господь — мой пастырь»), привычные песнопения, такие как

«Тихая ночь» (*Silent Night*) и другие; для православных и католиков восточного обряда привычна молитва «Пресвятая Богородица, спаси нас» (Ἑπεραγία Θεοτόκε, σῶσον ἡμᾶς), а также некоторые части акафистов, а для римокатоликов — «Аве Мария». Это особенно актуально для тех, чья болезнь вошла уже в позднюю, прогрессирующую фазу⁷. Даже те, кто, кажется, уже не может вспомнить, как их зовут, кто не может сформулировать свои мысли, чувства и желания, — даже такие люди часто помнят тексты этих молитв и с охотой участвуют в общем пении народа, когда звучат знакомые песнопения. Также и богослужения в общине Тезе, где используются песнопения с простыми словами и мелодиями (например, *Laudate omnes gentes* звучит почти как мантра), могут пробудить в таких людях какие-то чувства и побудить их к активному участию в богослужении. Тот же эффект производят и свечи, разноцветное облачение, помазание, возложение рук — словом, все то, что воздействует на различные органы чувств. Кстати, такого рода богослужения помогают не только больным деменцией, но и другим участникам богослужения (например, родственникам или медперсоналу)⁸. К сожалению, вопросу телесности в богослужении часто не придают должного значения в современной церковной практике. Не получается ли у нас, литургистов, зачастую, что мы берем за образец себя — людей образованных, словесно одаренных и физически более-менее здоровых, — и с этой «колокольни» судим обо всех возможных участниках богослужения? Наши богослужебные книги лексически перегружены, слова в них играют ключевую роль. Но когда слово не достигает цели, нужно использовать и другие методы, пусть на сегодня и прочно забытые.

Язык богослужения — это (по крайней мере, отчасти) язык пения. Пение более, чем устная речь пробуждает и выражает чувства и эмоции и таким образом способствует установлению взаимных связей между людьми. Особенно это относится к общему пению. Хотя, с моей точки зрения, текст все равно занимает главное место⁹, но хорошая мелодия может его усилить, дать какую-то интерпретацию, даже окрылить. Песнопения застав-

7. Здесь я имею в виду тех, кто воспитывался в христианской вере. Учитывая все ускоряющийся процесс расцерковления людей во многих европейских странах, для будущих поколений пожилых людей, возможно, придется вносить какие-то коррективы.

8. Подробнее см.: [Zeßner-Spitzenberg].

9. Исключением здесь можно считать пение без слов, как, например, *терцем* на Афоне. Такими мелодическими украшениями пользуются во время всенощной, что является определенной формой отдохновения, релаксации.

ляют церковный народ двигаться. Здесь я хотел бы только указать на непреходящую ценность древних псалмов, из которых и сегодня получают прекрасные песнопения. В Псалтири можно найти широкую палитру духовного опыта: хвалу и прославление, жалобу и проклятие, глубину отчаяния и новую надежду и уверенность, гнев и страх, одиночество и счастье, предательство и верность, мольбу и взывание и т. д.

Еще один способ общения с Богом без слов — это «святое молчание». Вместо обилия истертых слов и выражений *Deus absconditus* (незримый Бог) являет Себя в «благоговейной тишине». Иногда, когда люди ничего не говорят и не делают, а просто находятся в тишине, это помогает Богу прийти к молящимся. Кроме того, тишина помогает собранию размышлять о важных моментах службы и способствует избавлению от суеты. Современные люди часто так заняты, что вообще забывают о том, что такое тишина. Им надо помочь научиться этому заново. Особенно это касается женщин, которые часто перегружены: работают на работе, трудятся дома, воспитывают и своих детей, и чужих. Однако в богослужении далеко не всегда вспоминают о целительности тишины и не дают им этого островка спокойствия и благоговения.

Есть несколько важных современных тенденций, связанных с культурными изменениями, происходящими в западном обществе, да и не только на западе. Наше общество перегружено словами. Радио, телевидение, газеты, журналы, компьютеры, телефоны (смартфоны), блоги, онлайн-пространство, подкасты, твиты и реклама присутствуют сейчас повсеместно. Мы слушаем или читаем различные тексты непрерывно. На этом фоне язык богослужения рискует потеряться, стать одной из множества языковых форм. Как услышать пусть даже самый лучший литургический язык в этом океане акустических стимулов? Еще и поэтому так важно, чтобы язык этот был выбран верно, чтобы он не был перегружен словами. И конечно, языку нужны очень внимательные слушатели!

Постоянное использование электронной почты, текстовых сообщений, чатов и твитов приводит к тому, что предложения укорачиваются, используется упрощенная лексика и легко воспринимаемые конструкции. На английском уже есть Библия в стиле Твиттера. Какие это будет иметь последствия для языка богослужения в долгосрочной перспективе? С другой стороны, зрительных образов сейчас тоже избыток: телевизор, компью-

тер, масс-медиа, реклама и масса другого визуального материала, постоянно бросающегося в глаза. Помимо этого существует музыкальный калейдоскоп из разного рода записей на дисках и других носителях во множестве магазинов и других мест. В контексте двухтысячелетней истории церкви это относительно новые явления, которые влияют на словесный контекст, на то, что мы говорим, слышим, читаем и пишем. Это меняет и вербальный контекст богослужения, и последствия этого пока даже плохо просматриваются.

Я лишь набросал здесь несколько основных мыслей на предложенную тему. Конечно, найти верные слова для языка богослужения важно для нашего общения с Богом. В присутствии Божьего участники церковного собрания одновременно находятся в безопасности, но и принимают определенные вызовы. Его любовь превосходит все их несовершенные усилия.

Перевод Натальи Кольцовой

References

1. Bria = Bria I. (1996). *The Liturgy after the Liturgy: Mission and Witness from an Orthodox Perspective*. Geneva : WCC.
2. Chauvet = Chauvet L.-M. (1979). *Du symbolique au symbole: Essai sur les sacrements*. Paris : Éditions du Cerf (Rites et symboles; 9).
3. Groen 2012 = Groen B. J. (2012). “The Alliance between Liturgy and Diakonia as Witness of the Church: Theological Foundation and Several Examples”, in A. Lossky, M. Sodi (eds.). *La liturgie comme témoin de l'Église: LVIIe Semaine d'Études Liturgiques, Institut Saint-Serge, Paris, 28 juin — 1 juillet 2010*, Città del Vaticano : Libreria editrice vaticana, pp. 239–255 (Monumenta studia instrumenta liturgica; 66).
4. Groen 2017 = Groen B. J. (2017). “Liturgical Language and Vernacular Tongues in Eastern Christianity”, in P. van Geest, M. Poorthuis, E. Rose (eds.). *Sanctifying Texts, Transforming Rituals: Encounters in Liturgical Studies — Essays in Honour of Gerard A. M. Rouwhorst*, Leiden : Brill, pp. 407–424 (Brill's Studies in Catholic Theology; 5).
5. Groen 2019 = Groen B. J. (2019). “The First of September: Environmental Care and Creation Day”, in T. Berger (ed.). *'Full of Your Glory': Liturgy, Cosmos, Creation — Papers from the 5th Yale ISM Liturgy Conference, June 18–21, 2018*, Collegeville, MN : Liturgical Press, pp. 307–331.
6. Lord = Lord J. L. (2010). *Finding Language and Imagery : Words for Holy Speech*. Minneapolis : Fortress Press.

7. Mohrmann = Mohrmann C. (1957). *Liturgical Latin: Its Origins and Character — Three Lectures*. Washington, DC : Catholic University of America Press.
8. Ouspensky = Ouspensky L. (1982). “The Meaning and Language of Icons”, in L. Ouspensky, V. Lossky. *The Meaning of Icons*, revised edition, Crestwood NY : St. Vladimir’s Seminary Press, pp. 23–50.
9. Tadic-Papanikolaou = Tadic-Papanikolaou D. (2014). “Orthodox Contributions for the Understanding and Practice of Diakonia (the ‘Liturgy after Liturgy’)”, in P. Kalaitzidis et al. (eds.). *Orthodox Handbook on Ecumenism : Resources for Theological Education*, Volos; Oxford : Volos Academy Publications : Regnum Books International, 2014, pp. 725–732.
10. Taft = Taft R. (2013). “The 2001 Vatican Addai and Mari Decision in Retrospect: Reflections of a Protagonist”, in C. Giraud (ed.). *The Anaphoral Genesis of the Institution Narrative in Light of the Anaphora of Addai and Mari: Acts of the International Liturgy Congress, Rome, 25–26 October 2011*, Rome : Valore Italiano Lilamé Orientalia Christiana, pp. 317–334 (Orientalia Christiana Analecta; 295).
11. Zeßner-Spitzenberg = Zeßner-Spitzenberg F. J. (2016). *Vergessen und Erinnern: Menschen mit Demenz feiern Gottesdienst im Pflegeheim*. Würzburg : Echter (Studien zur Theologie und Praxis der Seelsorge; 94).

B. J. Groen

Fitting Liturgical Language

The article raises the question of what the language of worship should be and attempts to identify the basic theological and liturgical criteria that determine the relevance of the language to its task. The author emphasizes that the main task of the divine liturgical language is to connect the congregation of believers with God, even though the best divine liturgical language is unable to denote the divine mysteries in their entirety. The article refers to such important topics as the connection of the liturgical language with other elements of worship and its correlation with the language of Bible translation. According to the author, the liturgical language should be modern, it should be understandable in order to inspire action, but at the same time, unlike the everyday spoken language, it should be more sublime, for which purpose it can rely on contemporary translations of Scripture. The language of worship should help all members of the congregation to participate in prayer, therefore it should make use of different language forms, such as the feminine language, the youth language, the language of the poor and other groups. Apart from that, the language of worship

should take into consideration a variety of socio-cultural and geographical contexts. In addition to the words of prayers and sermon, the language of worship should also include body position, gestures, and liturgical actions. The author of the article takes into account that the language of worship is exposed to such modern cultural characteristics as the availability of e-mail, text messages, chats and tweets; however, he insists that language is not an end in itself, but only a means to approach the meeting of justice and mercy that is possible at the eternal divine bosom.

KEYWORDS: liturgics, language of worship, church assembly, sermon, translations of worship.

Гроен Б. Я. Каким должен быть язык богослужения? // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. Вып. 36. С. 157–169.

DOI: 10.25803/SFI.2020.36.4.006